

УДК 94(470+571)+(470.6)

НОГАЙЦЫ-КОЧЕВНИКИ В XVIII–XIX ВВ.: ВЫБОР МЕЖДУ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Айгуль Темерхановна Джумагулова

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин

Филиал государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки, Российская Федерация

E-mail: aigul-men@mail.ru

А н н о т а ц и я

В статье рассмотрен процесс формирования российского многонационального государства на примере включения кочевых ногайцев в состав Российской империи в XVIII–XIX вв. и последующего неоднозначного явления — переселения части этноса в Османскую империю. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью и фрагментарной освещенностью проблемы выбора ногайцами между российским и османским подданством в XVIII–XIX вв. Новизна авторского подхода состоит в понимании необходимости изучения данного вопроса не только через призму русско-турецкого соперничества на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, но и через процесс интеграции кочевых ногайцев в Российскую империю в рассматриваемый исторический период. В исследовании раскрывается основная позиция имперской власти в отношении становления и развития административно-правовой системы в ногайском обществе, включения кочевников в общероссийское политическое, правовое и экономическое пространство. Рассмотрен процесс формирования и функционирования аппарата приставства в ногайских кочевьях в условиях реализации разработанных для кочевых ногайцев нормативно-правовых актов «Наказ для управления ногайцами» (1822) и «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827). Автор уделяет особое внимание проблеме землевладения и землепользования, с которой столкнулись кочевые общества в первой половине XIX в., что выразилось на практике в ограничении и уменьшении кочевых земель, и это, безусловно, повлияло, в частности, на экономическое положение кочевых ногайцев. Ногайцы к середине XIX в. оказались перед непростым выбором: войти в состав Российской империи, поступившись в определенной степени своей самобытностью, или же сопротивляться этому процессу, отдав предпочтение более радикальному варианту собственного исторического пути. Итогом этих событий стало переселение большей части ногайцев, проживавших на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья, в Османскую империю. Автор освещает

процессы адаптации кочевых ногайцев к правовым и политическим условиям в Османской империи во второй половине XIX в. Проблема выбора подданства, стоявшая перед ногайцами в XVIII–XIX вв., в конечном итоге привела к их дисперсному проживанию в наши дни.

Ключевые слова

Российская империя, Османская империя, Северный Кавказ, Северное Причерноморье, XVIII–XIX вв., ногайцы, кочевники, интеграция, адаптация, переселение.

UDC 94(470+571)+(470.6)

THE NOGAI NOMADS IN THE XVIII–XIX CENTURIES: THE CHOICE BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND THE OTTOMAN EMPIRE

Aigul T. Dzhumagulova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History,
Law and Social Sciences

Branch of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State
Pedagogical Institute» in Essentuki, Russian Federation

E-mail: aigul-men@mail.ru

Annotation

The article examines the process of formation of the Russian multinational state by the example of the inclusion of Nogai nomads into the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries and the subsequent ambiguous phenomenon, the resettlement of part of the ethnos into the Ottoman Empire, to be precise. The relevance of the study is due to the little-studied and fragmentary coverage of the problem of Nogai society's choice between Russian and Ottoman citizenship in the XVIII-XIX centuries. The novelty of the author's approach consists in understanding the need to study this issue not only through the prism of the Russian-Turkish rivalry in the North Caucasus and the Northern Black Sea region, but also through the process of integration of Nogai nomads into the Russian Empire in the historical period under consideration. The study reveals the main position of the imperial authorities regarding the formation and development of the administrative and legal system in Nogai society, the inclusion of nomads in the all-Russian political, legal and economic space. The process of formation and functioning of the bailiff apparatus is considered in the context of the implementation of the normative legal acts developed for nomadic Nogai society, such as "The Order for the management of Nogais" (1822) and "The Charter for the management of Nogais and other Mohammedans nomadizing in the Caucasus region" (1827). The author pays special attention to the problem of land ownership and land use faced by nomadic societies in the first half of the XIX century, which was reflected in practice in the restriction and reduction of nomadic lands, and this undoubtedly influenced the economic situation of Nogai nomads. By the middle of the XIX century, the Nogais faced a difficult choice: to join the Russian Empire, sacrificing their identity to a certain extent, or to resist this process, preferring a more radical version of their own historical path. The result of these events was the resettlement of most of the Nogais lived in the North Caucasus and the Northern Black Sea region to the Ottoman Empire. The author highlights the processes of adaptation of Nogai nomads to legal and political conditions in the Ottoman Empire in the second half of the XIX century. The problem of choosing citizenship, which faced the Nogais in the XVIII-XIX centuries, eventually led to their dispersed living in our days.

Key words

Russian Empire, Ottoman Empire, North Caucasus, Northern Black Sea region, XVIII–XIX centuries, Nogais, nomads, integration, adaptation, resettlement.

ВВЕДЕНИЕ

В истории Российской империи и кочевых народов, входивших в ее состав, миграционные процессы всегда играли существенную роль. Движение номадов на огромных пространствах, поиск земли «за горизонтом» были примечательной особенностью России и играли значимую роль в освоении южного порубежья. Для миграционных и переселенческих процессов кочевых обществ Северного Кавказа и Северного Причерноморья немаловажное значение имели такие внутренние факторы, как политика российского правительства, действия военных властей кавказской линии и гражданских чиновников, а также сложившиеся внешние факторы и иные географические векторы перемещения. Все это, к сожалению, еще не получило всеобъемлющей оценки.

Отсутствие в историографии фундаментальных работ, исследующих в целом и отдельными крупными блоками данную проблематику, отчасти определяется резонансным общественным вниманием к избранной нами тематике, непосредственно связанной с современной социально-политической, этнической и конфессиональной ситуацией в изучаемом историческом регионе.

В данном контексте социально-политическая история кочевого ногайского общества в XVIII–XIX вв. становится уникальным объектом для исследовательской практики, направленной не только на системное обобщение разрозненных сведений, но и на нетривиальное осмысление различных оценочных суждений, интегрируемых в профессиональном нарративе. Подобный подход позволяет не просто показать синхронную интеграцию и миграцию в конкретном социокультурном контексте, но и органично отобразить конкретные черты и значимые моменты указанного процесса в неразрывной связи с ярким и трагическим фоном переломной эпохи.

Одной из важных и одновременно слабоизученных проблем российской истории является процесс включения в состав Российской империи народов с иным типом экономики, социального устройства, иными этническими и конфессиональными характеристиками. Интеграция кочевых народов в общероссийское пространство, их приобщение к политической культуре и административно-бюрократической системе, трансформация традиционного строя, социальная стратификация внутри общества занимают важное место в изучении ногайской проблематики в советской и современной историографии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковую базу работы составили архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Ставропольского края, а также тематические сборники документов («Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею»; «Записки Одесского общества истории и древностей»; «Полное собрание законов Российской империи»). Привлекаются при необходимости турецкие и иные зарубежные источники. Методологическую основу публикации составляет сочетание общенаучных положений, принципов и

методов исторической науки. Основополагающие принципы познания, такие как историзм и научность, позволили решить основные теоретико-методологические задачи исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Историография проблемы ногайского кочевого общества в контексте выбора между российским и османским подданством в XVIII-XIX вв. начала складываться еще в XVIII в. Ее начальный этап главным образом связан с развитием России как многонационального государства и появлением азиатского фактора во внешней политике империи. Дело в том, в рассматриваемый период у российского правительства возникает практическая потребность в знаниях о местных народах, населявших юго-восточное порубежье, в частности, степное Предкавказье и Северный Кавказ. Чаще всего авторами работ являлись участники академических экспедиций, государственные деятели, чиновники губернских администраций, офицеры Генерального штаба (И. В. Бентковский, В. А. Потто). Дореволюционные исследователи стали пытаться детальной изучить и определить общий характер русско-ногайских отношений через призму русско-турецкого соперничества

В работах советского периода исследование проблемы присоединения народов к России шло в основном в русле двух направлений: в меньшей степени — теории колониционного завоевания и большей — мирного добровольного присоединения народов к царской империи. Однако, экономический детерминизм, царивший в исторической литературе, не позволил в полной мере показать всю глубину социокультурных изменений. Тем не менее, проблема трансформации традиционных кочевых обществ в результате взаимодействия с Россией, можно сказать, в определенной степени изучена в исторической науке советского периода. А вот судьба тех народов или их части, решивших пойти по иному пути развития, еще не исследована в полной мере. И если была представлена в советской историографии, то однобоко и без глубокого проникновения в исследуемый материал. Тем не менее, в советской историографии появлялись исследования, авторы которых пытались глубже осмыслить исторические источники, более скрупулезно рассмотреть нелегкую судьбу ногайского народа (Кочекаев, 1973).

Для современной отечественной историографии характерны новые методологические подходы в изучение проблемы кочевого ногайского общества в контексте выбора между Российской и Османской империями, во всяком случае, идет процесс активного поиска выверенной, научно обоснованной методологии исследования, новейших архивных материалов. Заметно расширяется проблемное поле исследований, по-новому осмысливается опыт российского управления окраинами (Д.С. Кидирниязов, Н. Н. Великая).

Зарубежная историография по названной проблематике активно начала развиваться можно сказать только в последние десятилетия (В.В. Грибовский, D. Raşaoğlu, D. Arslan, H. Benli, Y. Berat, Y. Halaçoğlu). Для их исследований чаще всего характерно формирование концепции принуждения к переселению российской администрацией народов Северного Кавказа на территорию Османской империи.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В начале XVIII в. кочевые ногайцы представляли собой самостоятельные отделения Большой и Малой Ногайской орд (едисанские, едишкульские, джембойлукские, буджакские, наврузовские, салтанаульские, касбулатовские и др.). Часть отделений Малой орды осела на реках Кубань и Лаба, получив в дальнейшем названия закубанских ногайцев (Джумагулова, 2019с: 35). Для ногайского общества к началу XVIII в. характерны постоянные перекочевки в зависимости от международной обстановки и личных интересов отдельных ногайских мурз. Общий характер передвижений был следующий: Поволжье, Предкавказье, Причеречье и Прикубанье. Нестабильная геополитическая обстановка и связанная с этим неустойчивость Большой Ногайской орды толкала ногайских мурз на частые перемены ориентации. Феодалная знать ногайского общества поддерживала дружественные, военные и мирные отношения то с Российской империей, то с Османской и ее вассалом — Крымским ханством.

В 1722 г. караногайские общества направили к Петру I, который начал свой Персидский поход, предложение в виде услуги — доставить для русской армии 40 тыс. частей разного провианта (Кидирниязов, 2003: 149). Петр I, нуждавшийся в это время в продовольствиях, принял «неизвестных ему пришельцев» в российское подданство, выделив «землю от Каная (старый Терек южнее Кизляра) и р. Атай Бахтан до самой Кумы, и от Каспийского моря до урочища Джелань и Степан-Бугор» (Кочекаев, 1979: 129). Караногайцы освобождались от повинностей, но должны были поставить оговоренное число воинов: «10 конницы и 19 пехоты» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3. Л. 2–3). С этого времени караногайские общества принимают подданство российского государства, освобождаются от податей со стороны горских владельцев и калмыков. Установленные взаимоотношения между Россией и караногайскими обществами были выгодны обеим сторонам.

В этот период взаимоотношения других ногайцев, а именно отделений Большой и Малой Ногайской орды, с Россией складывались на фоне напряженной внешнеполитической обстановки. Ногайские улусы, находившиеся к этому времени в вассальной зависимости то от крымских ханов, то от калмыцких владетелей, были вынуждены участвовать в проводимых ими политических акциях на границе. Пытаясь освободиться от вассальной зависимости крымчан и калмыков, ногайская феодалная знать с середины XVIII столетия стала проявлять желание принять подданство Российского государства. Однако неоднократно предпринятые попытки ногайских мурз вступить под протекцию России не имели успеха до начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (Джумагулова, 2019а: 110–114).

В августе 1770 г. ногайцы Едисанской и Буджакской орд, кочевавшие в Северном Причерноморье и находившиеся в подданстве крымского хана, заключили союз с российским командованием, а осенью вместе с Едишкульской и Джембойлукской ордами были переселены на правобережье р. Кубань. В отличие от них, отделения Малых Ногаев были приведены под царскую руку силой оружия (Джумагулова, 2019с: 74).

Во время переправы ногайцев через Дон (июль–сентябрь 1771 г.) «для провождения татар на поселение в Кубанскую степь» к ним был назначен в приставы подполковник Стремоухов. Его власть распространялась на ногайские орды, проживавшие между реками Кубанью и Ея. 1 августа 1774 г. вместо подполковника Стремоухова на должность пристава был назначен подполковник И.Ф. Лешкевич (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 265. Л. 1). Внутреннее управление ордами осуществлялось в этот период ногайскими мурзами во главе с влиятельным Джанмамбет-бием. Однако после его смерти в 1776 г. никому из ногайских мурз не удалось достичь уровня его влияния, что привело к нарушению традиционной ногайской иерархии. Вследствие чего общее управление ногайцами постепенно оказалось в руках И.Ф. Лешкевича. Подполковнику И.Ф. Лешкевичу как приставу приходилось разрешать различные конфликтные ситуации ногайцев с соседними народами. Внутреннее управление ногайским обществом (суд, сборы средств на общественные нужды и т.п.) в 1779 г. было возложено на Халил-агу-эфендия. Номинально ему подчинялось «все собрание ногайских мурз, кочующих по здешней стороне Кубани со своими ордами» (Грибовский, 2014: 23). С ликвидацией формально независимого государства Шагин-Гирея произошло официальное подчинение ногайцев региональной царской администрации, включая управление приставской системой. В 1780-х гг. назрела ситуация, которую условно можно охарактеризовать как кризис в отношениях между частью ногайского общества и российской властью. В кризисной ситуации у царской администрации даже возник план переселить ногайские общества в «тыловые» районы империи, в Уральские степи (РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 289. Л. 64–64 об.). Более того, российская администрация под влиянием неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры пошла на применение силовых акций против «немирных» ногайских обществ, что привело к вооруженным столкновениям и жертвам с обеих сторон. Использование российской администрацией войск и решение вопроса силовыми методами привело к тому, что часть ногайских обществ, вовлеченная турецкими агентами, прорвавшись через пограничную линию, переселилась на территорию Османской империи (Потто, 1893: 3; Кочекаев, 1973: 55–57). Ногайцы, прибывшие в Османскую империю, основали несколько селений: Татарья или Тарта авыл (ныне заселено курдами), Хархар (позже жители села основали новое поселение Садыклы Шерефликочхисар) и Карапкур, или Абдулгелди (ныне Доганкая) (Arslan, 2015: 34–35). Точная численность переселенцев неясна и сегодня (ЗООИД, 1894: 93).

В 1792 г. русское правительство по проекту Г.А. Потемкина решило расселить остатки ногайских племен: часть — к трухменам и ногайцам, кочующим в низовьях Кумы по Каспийскому морю, часть — на левый берег реки Молочной в Таврической области, незначительную часть — на Днестр, где ногайцы когда-то жили, небольшую часть — на правый берег Кубани. Некоторые ногайские племена расположили свои кочевья по рекам Калаус, Большой и Малый Янкуль, Кугульта, Айгур (Джумагулова, 2019с: 89–90). С этого времени сложился территориальный принцип разделения ногайских племен под протекторатом Российского государства.

Включение в состав народов с отличающимися формами социально-политической организации принуждало правительство к наработке адаптивных форм во внедряемой административно-правовой системе. В среде кавказских ногайцев в

1793 г. был учрежден полноправный институт приставства. Введение приставского аппарата было призвано обеспечить поэтапное вхождение ногайцев в административно-правовую систему России. Степную территорию, населенную ногайцами, разделили на 4 приставства. Калаусо-саблинские и бештово-кумские инородцы составили первое приставство. Им были выделены земли в верховьях Калауса, на его нагорной стороне, территорию между озерами Большим и Малым Янкули и часть земель Кавказских Минеральных Вод. Здесь кочевали ногайцы родов касай, мангит, едисан и едишкуль. Ногайцы этого приставства территориально входили частью в Пятигорский, а частью в Ставропольский округи (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. Л. 12–14. Д. 685. Л. 43–48). Калаусо-жембойлукские инородцы составили второе приставство, им отмежевали земли в низовьях Калауса и бассейнов рек Айгур, Барханчук, Камбулат и Кугульга. В Калаусо-Джембойлукское приставство входили ногайцы жембойлукского рода: месит, канглы, карарюм, а также особое племя — шерет калмыцкого происхождения, издавна кочевавшее с ногайцами. Калаусо-Джембойлукское приставство входило в состав Ставропольского округа (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167 Л. 45–48). В третье приставство вошли ачикулак-жембойлукские и едисанские инородцы, им достались земли закумской степи, оно включало территорию между Моздоком и рекой Кумой, принадлежащей Моздокскому округу. Кочевали здесь едисанцы и жембойлуковцы. Едисанцы состояли из 4-х кубов: кенегес, мангит, бурку, тувулга. Жембойлуковцы — из трех кубов: канглы, карарюм, месит (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. Л. 12–14). В четвертое приставство объединили едишкульских и караногайских ногайцев. Их территориальная граница на юго-востоке доходила до побережья Каспийского моря, на северо-западе — до реки Кумы, на юго-западе — до урочища Степан-Бугор. Кочевали здесь караногайцы и едишкульцы. Караногайцы состояли из трех кубов: найман, кипчак и терик. Едишкульцы были представлены родом аскостамгалы. Он располагался на территории Моздокского и Кизлярского уездов (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 23. Л. 147; Оп. 3. Д. 2737. Л. 12–14).

В административном отношении закубанская территория, населенная ногайцами, была разделена на три приставства. Главное приставство закубанских народов ведало ногайскими племенами и дударуковскими абазинцами. Приставство тохтамышевское ведало ногайцами рода тохтамыш, частью абазинских и кабардинских аулов. В приставство бесленеевских и закубанских армян входили наврузовские ногайцы (Джумагулова, 2019 с: 89–90).

Образование приставств не внесло существенных изменений в социальную организацию ногайского общества. Все они управлялись своими мурзами и старшинами, но под надзором приставов, назначаемых из воинских чинов, находившихся в непосредственной зависимости от командующего Кавказской линией и Астраханского военного губернатора К.Р. Кнорринга. Все это говорит о том, что к началу XIX в. не существовало четкой вертикали в системе управления ногайским обществом.

В августе 1800 г. управление ногайцами было передано Коллегии иностранных дел, учредившей должность главного пристава для регулирования взаимоотношений между российской администрацией и «инородцами».

Деятельность Главного пристава регламентировалась Указом Коллегии иностранных дел от 29 августа «Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, туркмен, ногайцев и других азиатских

народов» (ПСЗРИ–I. Vol. XXVI. 1830. № 19536: 280). Главный пристав не имел четкого перечня полномочий, он становился посредником между администрацией и вверенными ему народами, одновременно сочетая надзирательские, судебные и попечительские функции. В подчинении Главного пристава находились все частные приставы. Так, институт пристава становится своего рода связующим звеном между военной и гражданской администрацией губернии. Не имея военной поддержки, власть приставов была номинальной. Для исправления подобного положения дел в 1804 г. приставы были подчинены еще и командующему Кавказской кордонной линией (Джумагулова, 2019с: 98).

Следует заметить, что в первой половине XIX в. раздражающим фактором во взаимоотношениях ногайских обществ с российской властью был вопрос землевладения и землепользования. Местной администрацией проводилось постепенное изъятие пастбищных ногайских земель для казачьих военных линий, крестьян-поселенцев, колонистов, в лице которых создавался социальный фундамент российскости на Кавказе. Сокращение пастбищных территорий кочевников выводило известное количество земли из их системы жизнеобеспечения, в результате чего номады лишались основного своего богатства — скота. Правительство чисто формально, «на бумаге», принимало решения, направленные на недопущение ущемления прав кочевых народов. С этой целью в разные периоды времени учреждались многочисленные межевые комиссии и конторы, но в действительности ни одна из комиссий, созданных для установления порядка в землепользовании, не выполнила возложенных на нее задач (Джумагулова, 2019с: 102). Уменьшение земельного фонда неизменно вело к сокращению количества скота у ногайцев. Сами кочевники понимали прямую зависимость своего благосостояния от наличия обширных пастбищ для скота: «когда степи были вольны, не раздроблены, не населены и когда о спорах за подножный корм не было помину, тогда именно наши табуны процветали» (Бентковский, 1879: 30). Были и другие сопутствующие факторы, приводящие к ухудшению экономического благосостояния кочевников: болезни скота, засуха, неурожай трав и пр.

Изъятие пастбищных угодий кочевников, приведшее к их трудному экономическому положению, задерживало интеграцию ногайцев в российское правовое пространство. Имели быть место и просчеты местных властей. Многие исследователи, касавшиеся в своих статьях социально-экономического положения ногайцев, неоднократно отмечали многочисленные факты бесчинств и произвола со стороны местной администрации и частных приставов (Джумагулова, 2019b: 51).

В 1816 г. на пост Главноуправляющего был назначен А.П. Ермолов. Его реформаторская деятельность затронула и ногайцев. На основании ревизии 1818 г. А.П. Ермолов предложил соединить управление ногайцами в лице Главного пристава, объединив Караногайское и Бештовское пристава. Проект А.П. Ермолова был одобрен императором Александром I Указом от 24 июля 1822 г. (АКАК. Vol. 6.2. 1875. № 910: 524). Отношением № 402 от 31 августа 1822 г. и № 412 от 1 сентября 1822 г. А.П. Ермолов вывел ногайцев из ведомства Азиатского департамента и перевел их в ведение Главного ногайского пристава, подчиненного местной администрации. На должность Главного пристава был назначен надворный советник Балуев (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 8-12. Д. 1508. Л. 15).

А.П. Ермоловым были разработаны особые правила для управления ногайцами, которые были утверждены «Наказом для управления ногайцами» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 8–12). Согласно «Наказу...» местные власти не могли открыто вмешиваться во внутреннее самоуправление номадов. Также Ермолов первым нормировал повинности ногайцев и указал их характер (ранее размер повинностей не был установлен законом и зависел от усмотрения военного начальства на Северном Кавказе и от размера военных потребностей того времени). От этого «одни ногайцы терпели против других чрезмерное отягощение» (Бентковский, 1888: 89).

Одновременно реформы происходили и в Кавказской административной системе. 10 августа 1822 г. Кавказская губерния была переименована в Кавказскую область. Нормативно-правовой акт «Учреждение для управления Кавказской областью» был утвержден через четыре года — 6 февраля 1827 г. Структурно данный документ был разделен на три части: «Образование управления», «Общий наказ управлению» и «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области». Решение правительства о выделении документа об управлении ногайцами в отдельный Устав, оставив его в качестве составной части «Учреждения...», свидетельствует о компромиссном характере регулирования властных отношений в ногайской среде и о неопределенности самого статуса ногайцев. Согласно зафиксированным положениям правового акта номады управлялись на основании степных обычаев и особенных правил. При этом Главный ногайский пристав являлся членом областного совета и подчинялся областному управлению. В помощь ему были определены четыре частных пристава. Они исполняли в своих кочевьях обязанности земской полиции. Кроме приставов в каждом управлении (роде) был депутат (или заседатель), голова и старшины, аксакалы и десятники, ежегодно избираемые обществом из своей среды (караногайцам и едишкульцам в связи с их многочисленностью разрешалось иметь двух голов и четырех старшин). Администрация, вводя начало выборности в местных органах власти, сохраняла за собой право их утверждения, а в необходимых случаях и освобождения от должностей. Именно провозглашение выборности органов самоуправления явилось важным фактором для постепенного уничтожения местной феодальной элиты (мурз), исключавшим преемственность господствующих групп (Джумагулова, 2019с: 116–117).

«Устав для управления ногайцев...» четко оговаривал функции Главного пристава: охранение прав и собственности ногайцев, попечение и улучшение их состояния, внушение им в пристойных случаях преимуществ оседлой жизни. Кроме того в основные функции частного пристава входило «сохранение благополучия, порядка и тишины». Это должностное лицо имело право участвовать во всех общественных собраниях и совещаниях, но в приговорах общества он не участвовал (ПСЗРИ-II. Vol. II. 1830. №878: 145–151). Правительство не вмешивалось в целом в жизненные устои ногайского народа, однако, надо сказать, стремилось держать жизнь кочевников под постоянным наблюдением приставов. Поскольку внутреннее управление сосредоточивалось в руках знати, правительство вменяло в обязанности приставов обеспечение княжеской лояльности российской власти.

«Устав...» закрепил введенное А.П. Ермоловым уравнение повинностей, лежащих на ногайцах разных приставств, «применяясь к образу жизни, занятий и хозяйства, дабы взамен того, что лежит на одних отбывать натурой, на других было

возложено отправление денежным наймом» (ПСЗРИ–II. Vol. II. 1830. № 878: 147–148). В основном повинности ногайцев были связаны с ежегодным развозом казенного провианта, содержанием почтовых станций и охраной кордонных линий. В «Уставе...» подчеркивалось, что повинности, лежащие на народе, не связаны с вероисповеданием и не носят характера дани, т.е. налога побежденных в пользу победителя. В этом правовом документе также оговаривались подати и повинности, отбываемые простыми ногайцами в пользу мурз (ПСЗРИ–II. Vol. II. 1830. № 878: 151–153).

Судопроизводство, согласно «Уставу...», подразделялось на три раздела. К первому принадлежали преступления общественные (измена, мятежи, побег за границу и т.д.), подлежащие рассмотрению военным судом. Ко второму — преступления частные (убийства, грабежи, насилия, кражи и т.д.), которые рассматривались Окружным судом и Судом областной ревизии. К третьему — дела исковые, гражданские, которые рассматривались на основании обычаев и обрядов ногайцев (по маслагату и шариату) (ПСЗРИ–II. Vol. II. 1830. №878: 121–122). Сохранение процессуальных норм обычного права ногайцев являлись важным социальным регулятором общества, т.к. они сочетали в себе этнические, духовные и экономические институты традиционной культуры народа.

«Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», стал важнейшим нормативно-правовым актом первой половины XIX в. и подвел итог длительному процессу поиска оптимального административного механизма в ногайской среде. В 1841 г. ногайцы региона были переданы под попечительство Министерства государственных имуществ. Местные власти пытались приблизить организацию управления и правовой статус номадов к крестьянской (Великая, 2001: 124), однако осуществить эту затею в условиях существующего в ногайском обществе сословного деления и феодально-патриархального строя было невозможно. Поставленные цели не были достигнуты, и это было связано, в первую очередь, с недовольством в ногайской среде (ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3880. Л. 1).

Впоследствии непосредственное управление номадами продолжали все также вести приставы, назначаемые русской администрацией. Окончательно приставская система над ногайцами сложилась не раньше 1830–1840 гг. Организация приставств имела положительное значение для общественно-политического и социально-экономического развития ногайцев: искоренялись феодальные усобицы, определялись обязанности различных сословий, провозглашалась выборность местных начальников, а это, в свою очередь, влияло на качество и компетенцию органов самоуправления (Невская, 2000: 178).

2 мая 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. «Учреждение для управления Кавказской областью» 1827 г. после издания указа сохраняло свое действие, но было переименовано в «Учреждение управления Ставропольской губернии» (ПСЗРИ–II. Vol. II. 1830. № 21164: 396). Стоит отметить, что в систему управления ногайцев изменения внесены не были, а это доказывает, что сложившаяся система, нормативно-правовой основой которой выступал «Устав для управления ногайцев ...», устраивала как ногайцев, так и российскую администрацию.

30 октября 1859 г. был утвержден «Новый штат управления магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии», согласно которому «все права и обязанности, которые соединял в себе управляющий гражданской

частью в Ставропольской губернии по заведованию внутренними и кочевыми инородцами и надзору за образом действия их начальства, с упразднением их начальства, с упразднением общего Ставропольского губернского управления, сосредоточивались в лице начальника губернии» (Административно-территориальное ..., 2008).

В 1859 году в Ставропольской губернии началась эмиграция ногайцев в Османскую империю. На исход ногайского населения в Турцию повлияли сразу несколько факторов. Во-первых, это социально-экономические изменения, зафиксированные в принятых правовых документах, которые затронули все слои, в первую очередь верхушку ногайского общества. Феодалы не без основания опасались, что если ногайцы останутся в Российской империи, то со временем они могут утратить свой привилегированный статус среди соплеменников. В желании и стремлении части феодалов уйти «за пределы прежнего Отечества» ее поддерживало духовенство, ратовавшее за переход к единоверцам, тем более что турецкий султан обещал всяческую поддержку новоявленным мухаджирам. Турция была заинтересована в получении новых лояльных подданных, которых предполагалось использовать, в том числе для борьбы с теми народами, которые боролись против османов. В исходе части ногайцев сыграла свою роль и архаичность мировоззрения значительной части этноса, которая не допускала мысли не подчиниться воли большинства родичей. Российское правительство стремилось удержать ту часть ногайцев, в лояльности которой оно не сомневалось. В то же время правительство добивалось вытеснения за пределы региона тех ногайцев, лояльность которых была у него под сомнением. В течение 1858–1859 гг. в Турцию переселились около 70 тыс. ногайцев Калаус-Джембойлукского, Калаус-Саблинского и Бештово-Кумского приставств и 39,6 тыс. прикубанских ногайцев (Джумагулова, 2019b: 52). С 1 декабря 1861 г. Указом Канцелярии Ставропольского гражданского губернатора от 4 ноября 1860 г. № 7165 Калаус-Джембойлукское, Калаус-Саблинское и Бештово-Кумское приставства были закрыты «по случаю ухода ногайцев этих приставств в Турцию» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–2, 5 об., 9).

Переселение ногайцев в Османскую империю продолжилось и в последующие десятилетия, но уже в меньших масштабах. В то же время имела место и реэмиграция. Наиболее показательным является появление в 1866 г. села Канглы на Кавказских Минеральных Водах. Его население большей частью составили ногайцы-репатрианты, вернувшиеся из Османской империи в 60–90-х гг. XIX в.

К 1873 г. в Ставропольскую губернию входило ведомство «главного пристава кочующих народов, состоявшее из приставств караногайского народа и ачикулак-джембулуковских, эдисанских и эдишкульских народов» (Административно-территориальное ..., 2008).

21 марта 1888 года на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета о преобразовании Кубанской и Терской областей, Караногайское приставство было передано из Ставропольской губернии в Терскую область (Административно-территориальное ..., 2008). Причисление приставства к Терской области было вызвано не жизненными потребностями, а в основном некоторым неудобством административного управления в связи с удаленностью приставства от губернского центра. Так ногайские приставства оказались разделены административно-территориальными границами в пределах одного государства.

В «Кратком очерке колонизации Ставропольской губернии до 1899 года» вице-директор департамента государственных земельных имуществ Завелло отмечал, что ногайские общества, прежде кочевавшие на огромных территориях, к началу XX в. были значительно отнесены на северо-восток, к р. Маныч и к нижнему течению р. Кума, причем даже и в этих степях значительная часть земли перешла к русским переселенцам (Административно-территориальное ..., 2008). Русские поселенцы обосновались в ногайской и караногайской степи только в западной ее части, оставив в пользовании кочевников почти безводную землю, переходящую на востоке в сыпучие пески.

Неуклонный процесс интеграции ногайцев в административно-правовую систему империи в первой половине XIX в. представлял собой коренную и нелегкую, а нередко и весьма болезненную ломку прежнего уклада жизни, на которую пошли далеко не все ногайские общества, отдав предпочтение более радикальному и драматическому варианту исторической судьбы. Переселение отдельных ногайских кочевых обществ в Османскую империю происходило в несколько волн, которые можно разделить на ряд этапов. Первый этап — переселение кочевых ногайцев в конце XVIII в. после применения силовых акций по отношению к ногайским обществам генералом А.В. Суворовым в 1783 г. Второй этап — массовое переселение ногайцев Северного Кавказа и Северного Причерноморья в 50–70-х годах XIX в. Третий этап — добровольные переселения ногайцев в 1877–1908 гг., во время которого продолжалась эмиграция ногайцев в Османскую империю. Согласно источникам, с 1859 по 1862 гг. османским правительством было размещено около 65 тыс. ногайцев, однако в некоторых источниках указывается цифра в 200 тыс. человек (Benli, 2015: 413–430) и даже в 369 028 человек (Arslan, 2015: 27). Областями, наиболее активно заселяемыми ногайскими обществами, стали: Адана, Конья, Сивас, Эдирне, Хюдавендигар, Бозок, Добруджа-Варна, Алеппо. Примечательно, что прибывших ногайцев нередко записывали в регистрационных формах как «татар-ногай», что затрудняло четкое определение ногайского населения в новых турецких местностях. «Ногай-татар», переехавших из России после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., разместили в городах: Селаник, Джаник, Анкара, Бига; в области Айдын и в Сирии. Часть ногайцев переселилась во внутренние регионы Османской империи (Verat, 2006: 29). В процессе переселения и до окончательного расселения ногайцы располагались на временных территориях проживания, и только после регистрации их расселяли по отдельным местностям в зависимости от хозяйственных нужд страны и количества людей, необходимого для заселения земель. Османская власть отдала предпочтение комплексной форме заселения территорий, согласно которой переселенцы должны были сами обрабатывать землю и обеспечивать себя всем необходимым. Подобная модель заселения новоприбывших сокращала государственные субсидии на иммигрантов, действовавшие в период их адаптации к новым условиям жизни в стране. На начальных этапах адаптационного периода местная администрация выдавала переселенцам семена и часть орудий труда для обработки земель. Однако, кочевые ногайцы не всегда останавливались для проживания в тех регионах, которые им распределялись правительством. Нередко они перекочевывали большими группами из мест, определенных властями и расселялись в разных районах Анатолии (Paşaoğlu, 2009: 209–249).

Социально-политическая иерархия ногайцев в составе Османской империи оставалась неизменной. Ногайцы продолжали жить по своим традиционным законам, подчинялись мурзам, которые распоряжались всеми доходами общины и помощью, выделяемой правительством. Во второй половине XIX в. было зафиксировано много обращений от ногайских обществ местным турецким властям, которые просили переселить их к родственным группам. Поначалу подобные просьбы удовлетворялись турецкой администрацией, однако, когда в процесс мухаджирства стали вовлекаться многие народы Северного Кавказа, что вызвало определенные трудности в размещении большого количества мухаджиров, ногайцам стали отказывать в их прошениях (Paşaoğlu, 2009: 274–277).

Вскоре в ногайских обществах стали назревать волнения, вызванные, в первую очередь, запретом на свободные передвижения, в основе которых лежал традиционный хозяйственно-бытовой уклад ногайцев, и их нежеланием вести оседлый образ жизни. Турецкая администрация никак не могла повлиять на кочевых ногайцев, которые, как и кочевые арабские племена, беспрепятственно пересекали границы государства. Для предотвращения незаконных пересечений государственных границ пришельцами из числа ногайцев османское правительство стало уведомлять и запугивать их тем, что лишит государственной помощи в случае неповиновения указаниям властей. (Halaçoğlu, 2006: 43–46). В этих условиях, часть ногайских обществ стала открыто выражать желание вернуться обратно в Российскую империю (Лайпанов, 1966: 120). Турецкая администрация, опасаясь, что в процесс реэмиграции вовлечутся все ногайские общества, разослало необходимые инструкции для удовлетворения просьб кочевников. С течением времени ногайские общества адаптировались к новым для себя политическим и экономическим условиям, к тому же некоторые проблемы в ногайских населенных пунктах стали разрешаться к концу XIX века (Paşaoğlu, 2009: 293–300).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII-XIX веках кочевые ногайцы оказались вовлечены в процесс геополитического соперничества Российского государства и Османской империи. Номады играли значимую роль во взаимоотношениях между ними. В среде ногайских обществ имелись как сторонники, так и противники той или иной исторически противостоящей стороны, каждая из которой имела на своих приверженцев определенное влияние. Тем не менее, анализируя русско-турецкое соперничество на Северном Кавказе и Северном Причерноморье, нельзя сводить происходивший процесс исключительно к военно-политическому давлению. На выбор номадов оказывали влияние как социально-политические перспективы, так и культурно-ментальная предрасположенность. По итогам русско-турецкого противостояния ногайские общества оказались резко разделенными между двумя империями. Вхождение ногайских обществ в состав Российского государства в конце XVIII в., установление административного контроля над ними, дальнейшая экономическая и культурная интеграция кочевников с российскими хозяйственными, общественными и культурными институтами детерминировали периодически возникающие конфликты, вызванные неизбежными противоречиями в хозяйственных и культурных моделях,

что оказывало качественное влияние на традиционно-бытовой уклад автохтонов региона. Российская сторона использовала переселенческие процессы для последовательного конструирования экономически активной и политически лояльной социальной среды в регионе. Однако, указанные процессы постепенно выходили из-под государственного контроля, и среди ногайской феодальной знати появились приверженцы сохранности традиционных устоев. В поисках экономического процветания и духовной свободы ногайцы массово переселяются в Османскую империю. Это, безусловно, происходило не без индивидуальной и групповой мотивации османских властей. Российская сторона использовала переселенческие процессы для последовательного конструирования экономически активной и политически лояльной социальной среды в регионе. Турецкая сторона была заинтересована в новых благонадежных подданных с целью решения своих социально-экономических проблем и из-за политических притязаний, обуславливающих периодически возникающие конфликты на границе.

Таким образом, сложный комплекс внутренних и внешних факторов обусловил выбор некоторой части ногайского общества в качестве постоянного места проживания России и массовый исход другой части этноса в Османскую империю. Происходившие в тот исторический период процессы сопровождались серьезными демографическими потерями и социально-экономическими трансформациями кочевого общества. Итогом этих событий стало дисперсное проживание ногайцев, которые сегодня проживают в Российской Федерации и Турецкой республике. На территории России ногайцы проживают в Республике Дагестан, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесской республике, Астраханской области, Республике Крым. Численность ногайцев в Российской Федерации составляет 103 660 человек (данные Всероссийской переписи населения 2010 г.). На территории современной Турецкой республики ногайцы живут практически во всех ее областях. В Адане, где больше всего проживало ногайцев, их количество сегодня значительно уменьшилось. Большинство ногайцев региона Кулу и Шерефликочхисар состоит из тех, кто переехал из регионов Текирдаг, Бурса и Хаймана во время войны за независимость Турции и после нее. Сегодня в Турции сохранились и чисто ногайские анклав. В селениях Акин, Шекер, Доганкая, Сейтахметли, Кырккую, Богазорен и Эрдогду почти все население состоит из ногайцев. Численность ногайского этноса в целом в Турецкой республике подсчитать довольно сложно, поскольку данные официальной переписи не включают сведений о национальной принадлежности.

Процесс формирования российского многонационального государства в XVIII–XIX вв. происходил в условиях полиморфной государственной структуры. Пример ногайского этноса показывает всю сложность и многоаспектность интеграции в Российскую империю автохтонов региона, прошедших путь от фронтальной пограничности к согласию и гражданской идентичности. Изучение вхождения ногайцев-кочевников в цивилизационное пространство Российского государства в контексте осмысления исторического прошлого и настоящего позволяет противостоять сепаратистским настроениям и идеям, создающим благоприятную среду для межнациональных конфликтов. Проблема интеграции кочевых ногайских обществ в XVIII–XIX вв. в геокультурное пространство России относится к числу сложных

и дискуссионных вопросов, что объясняется как полиэтничностью региона, так и выбором частью ногайского общества подданства турецкого государства в рассматриваемый исторический период, что делает практически невозможным сделать однозначные выводы.

Литература

- Arslan, D. (2015). *Türkiye Nogaylari'nda Yaşam*. Ankara: Aralık.
- Benli, H. (2015). Türkiye'de Yaşayan Nogay Türkleri. *Yeni Türkiye. Kafkaslar Özel Sayısı*, 80, 413–430.
- Berat, Y. (2006). *Emigrations from the Russian Empire to the Ottoman Empire: An Analysis in the Light of the New Archival Materials*. Yüksek Lisans Tezi. Ankara.
- Halaçoğlu, Y. (2006). *Yüzyılda Osmanlı İmparatorluğu'nun İskan Siyaseti ve Aşiretlerin Yerleştirilmesi*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları.
- Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник* (2008). Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) (1875)*. (Vol. 6.2.). Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.
- Бентковский, И. В. (1888). Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы (Vol. 1). Ставрополь: Типография Губернаторского Правления.
- Бентковский, И. В. (1879). Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления.
- Великая, Н. Н. (2001). *Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII-XIX вв.)*. Doctoral Dissertation. Ставрополь.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)*.
- Грибовский, В. В. (2014). Формирование приставской администрации в междуречье Кубани и Еи в 1771–1790 гг. Материалы международной научно-практической конференции. *Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему*, (1), 17–23.
- Джумагулова, А. Т. (2019а). Некоторые аспекты ногайско-крымских взаимоотношений в XVIII в. Материалы региональной научно-практической конференции. *Российская государственность в судьбах народов Кавказа*, (11), 95–115.
- Джумагулова, А. Т. (2019б). Некоторые аспекты русско-ногайских отношений в XVI–XIX веках. *Гуманитарные и юридические исследования*, 4, 47–55.
- Джумагулова, А. Т. (2019с). *Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII–60-х гг. XIX вв.* Пятигорск: РИА-КМВ.
- Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД)*. (1894). (Vol. 17). Одесса: Экономическая типография и литография.
- Кидирниязов, Д.С. (2003). *Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв.* Махачкала: Эпоха.
- Кочекаев, Б. Б. (1973). *Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX–начале XX века*. С. З. Зиманов (ред.). Алма-Ата [Черкесск]: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение.
- Кочекаев, Б. Б. (1976). К вопросу о характере и сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. *История горских и кочевых народов Северного Кавказа (122–129)*. Ставрополь.

Лайпанов, Х.О. (1966). К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. *Труды Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка и литературы* (Vol. V, 111–131). Р. А.-Х. Джанибекова (ред.). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во.

Невская, Т. А. (2000). Отношение администрации к кочевым народам Северного Кавказа в XIX–начале XX в. *История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время*: тезисы конференции. 30–31 мая 2000 г.). Пятигорск: ПГЛУ. 176–179.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи (1830). 1-е собр. 1649-1825 гг. (Vol. XXVI). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи (1830). 2-собр. 12 декабря 1825–28 февраля 1881 гг. (Vol. II). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Погто, В. А. (1893). *История 44 драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка* (Vol. 2). СПб.: Типография Р. Голике.

РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*.

Paşaoğlu D. (2009). *Nogaylar, Nogay Göçleri ve Türkiye'deki İskânları*. Doctoral Dissertation. Ankara.

References

Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. (1875). (Vol. 6.2.). Tiflis: Tipografija Glavnogo Upravljenija Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

Administrative-territorial structure of Stavropol from the end of the XVIII century to 1920: reference (2008). Stavropol': Komitet Stavropol'skogo kraja po delam arhivov (in Russian).

Arslan, D. (2015). *Life in the Nogays of Turkey*. Ankara: Aralik (in Turkish).

Benli, H. (2015). *Nogay Turks living in Turkey. New Turkey. Kafkaslar Özel Sayısı*, 80, 413–430 (in Turkish).

Bentkovskij, I. V. (1888). *Historical and statistical review of non-native mohammedans wandering in the Stavropol province. Nogais* (Vol. 1). Stavropol': Tipografija Gubernatorskogo Pravlenija (in Russian).

Bentkovskij, I. V. (1879). *Overview of horse breeding in the North Caucasus in its former and current state*. Stavropol': Tipografija Stavropol'skogo gubernskogo pravlenija (in Russian).

Berat, Y. (2006). *Migrations from the Russian Empire to the Ottoman Empire: an analysis in the light of new archival materials*. Yüksek Lisans Tezi. Ankara (in Turkish).

Dzhumagulova, A. T. (2019a). Some aspects of Nogai-Crimean relations in the XVIII century. *Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza*, (11), 95–115 (in Russian).

Dzhumagulova, A. T. (2019b). Some aspects of Russian-Nogai relations in the XVI-XIX centuries. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*, 4, 47–55 (in Russian).

Dzhumagulova, A. T. (2019c). *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII–60s of the XIX centuries*. Pjatigorsk: RIA-KMV (in Russian).

Gribovskij, V. V. (2014). The formation of the bailiff administration in the interfluvium of Kuban and Yei in 1771-1790. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nogajcy: XXI vek. Istorija. Jazyk. Kul'tura. Ot istokov — k grjadushhemu*, 1, 17–23 (in Russian).

Halaçoğlu, Y. (2006). *Settlement politics of the Ottoman Empire in the century and placement of tribes*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları (in Turkish).

Kidirnijazov, D. S. (2003). *The relationship of the Nogais with the peoples of the North Caucasus and Russia in the XVI–XIX centuries*. Mahachkala: Jepoha (in Russian).

Kochekaev, B. B. (1973). *Socio-economic and political development of Nogai society in the XIX–early XX century*. S.Z. Zimanov (red.). Alma-Ata [Cherkessk]: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie. (In Russian)

Kochekaev, B. B. (1976). On the question of the nature and essence of patriarchal-feudal relations among nomadic peoples. *Istorija gorskih i kochevyh narodov Severnogo Kavkaza (122–129)*. Stavropol' (in Russian).

Lajpanov, H. O. (1966). On the history of the resettlement of the highlanders of the North Caucasus to Turkey. *Trudy Karachaevo-Cherkesskij NII istorii, jazyka i literatury* (Vol. V, 111–131). R. A.-H. Džhanibekova (Red.). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo (in Russian).

Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. (1894). (Vol. 17). Odessa: Jekonomičeskaja tipografija i litografija (in Russian).

Pashaoglu, D. (2009). *Nogays, Nogay migrations and their inhabitants in Turkey*. Doctoral Dissertation. Ankara (in Turkish).

Potto, V. A. (1893). *The history of the 44 Dragoon Nizhny Novgorod His Imperial Highness the Sovereign heir of the Tsarevich Regiment* (Vol. 2). Saint-Petersburg: Tipografija R. Golike (in Russian).

Russian State Military Historical Archive (in Russian).

The Complete Collection of the laws of the Russian Empire. (1830). The First Meeting. 1649–1825. (Vol. XXVI). Saint-Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii (in Russian).

The Complete Collection of the laws of the Russian Empire. (1830). The Second Meeting. December 12, 1825–February 28, 1881. (Vol. II). Saint-Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii. (In Russian)

The State Archive of the Stavropol Territory (in Russian).

Velikaja, N. N. (2001). *Political, socio-economic, ethno-cultural processes in the Eastern Pre-Caucasus (XVIII–XIX centuries)*. Doctoral Dissertation. Stavropol' (in Russian).